

В 1942 году, помнится, 11 августа, в районе Болхова–Мценска, немцы перешли в наступление. Возникла угроза прорыва и выхода противника на фланги нашей 257-й стрелковой бригады и 342-й дивизии, между которыми прервалась связь. Для уточнения обстановки в штаб 342-й дивизии были направлены разведчики: командир взвода Коннов и я. Помню, что мы вышли в район деревни Надеждино, поднялись на высотку, где стоял единственный дом среди вишнёвого сада. Ветки деревьев гнулись от обилия созревших, почти чёрных ягод. Мы с большим удовольствием стали лакомиться ими. Где-то через четверть часа командир взвода сказал, что надо идти. А я ему: «Давайте ещё немного побудем в саду». Но тот не согласился, и мы пошли. Не успели отойти метров на пятьдесят, как услышали шум самолёта: над нами «висел» немецкий самолёт-разведчик, называемый бойцами «рамой». На наших глазах от самолёта отделилась бомба. День был солнечный, и её хорошо было видно. Мы буквально покатались вниз с высотки. Раздался оглушительный взрыв, нас подбросило и ударило о землю. Когда поднялись снова на высотку, ни дома, ни сада там уже не было, зияла огромная воронка. Задержись бы мы в саду ещё на несколько секунд – от нас ничего бы не осталось.

Вообще, за годы войны я осознал, какую роль в жизни играет господин случай. Кажется иногда, что обстоятельства складываются для тебя в худшую сторону, а получается – наоборот. Приведу пример.

В сентябре 1942 года наша бригада, понесё большие потери в ходе летней кампании, должна была выйти из боёв. Мы радовались: пока бригада будет находиться на переформировке, может быть, и война закончится.

Недели за две до объявления приказа о нашем уходе в тыл потребовались три разведчика на наблюдательный пункт комбрига. Там прямым попаданием снаряда были убиты дежурившие наблюдатели. Командир роты направил туда ефрейтора Черепанова и рядовых – Егорова и меня. Через несколько часов мы были на НП. Поочередно вели круглосуточное наблюдение за передним краем, заноса в журнал всё, что делалось на стороне противника. Дней через десять нас пришли сменить

Тула, 1943 г.

встревожила полная тишина. Обычно в это время кто-то играл на гармонике, кто-то пел или громко разговаривал. А тут вдруг тишина. И я подумал: не заблудился ли? А что, если здесь немцы? Я решил громко крикнуть и, если не получу ответа, бежать назад, к передовой. «Эй, есть кто-нибудь?» – пауза. А потом голос: «Есть, есть!». Отвечал наш каптенармус (кладовщик). Я обрадовался и спустился вниз. Там был только он и больше ни души. Я спросил: «А где же наши?». Ответ меня ошарашил: «Ушли на задание». Оказывается, из штаба армии был получен приказ первый поиск необстрелянной ещё разведки сибирской дивизии провести вместе

Судьба разведчика

Имя Марка Харитоновича Валкина известно многим ульяновцам: историк, пламенный патриот родного края, он много лет возглавлял Ульяновский областной краеведческий музей, стоял у истоков музея И.А. Гончарова.

Но мало кто знает, что краевед был славным разведчиком, прошёл всю войну и встретил Победу на Эльбе. В нескольких военных эпизодах, описанных автором, высвечивается оптимизм и боевой характер фронтовика.

бойцы Сибирской дивизии. Мы тепло попрощались с ними и отправились в своё подразделение. К середине дня добрались и доложили командиру роты о выполнении задания. Он поблагодарил нас и спросил: «А где мой бинокль?» Бинокля не оказалось, мы забыли его на НП, поэтому кому-то надо было возвращаться на передовую, а идти назад, в зону артиллерийского и миномётного огня, никому не хотелось. Тогда я обратился к командиру: «Я пойду». Сказал не потому, что был очень смелым, просто считал, что как комсомолец и бывший студент идти должен я.

Благополучно дошёл до НП, забрал бинокль и двинулся в обратный путь. Стемнело. Когда подошёл к месту расположения нашей роты, к оврагу, меня

Во весь рост. Октябрь, 1944 г. Латвия

с оставшимися в строю нашими разведчиками. Задание состояло в том, чтобы подняться на занятую немцами высотку и захватить «языка»: внезапно напасть на часового и увести его, а также ещё кого-нибудь, кто окажется поблизости. Ночь была очень тёмная, тихая. Когда объединённая группа разведчиков доползла до середины высотки, один из «новеньких» не выдержал и кашлянул. Часовой услышал и поднял тревогу. Немцы осветили ракетами местность и открыли ураганный огонь по разведчикам. Пришлось им быстро уходить с жертвами на руках. Были убиты командир роты старший лейтенант Акимов, командир отделения и один боец. Не вернулся в роту и старшина. Возможно, он был ранен и его не смогли вынести. Какие были потери у сибиряков, я не знаю. наших мы опустили в могилу под автоматные очереди. Мне пришлось произносить прощальное слово. Так печально окончился этот поиск. Если бы я в нём участвовал, может быть, и не пришлось мне писать эти воспоминания. Судьба...

Итак, бригада уходила на формирование: восполнить потери личного состава, вооружения, снаряжения... От нашей роты после боёв осталось в строю человек 12–13. В моей же службе произошли серьёзные изменения. В октябре 1942 года меня пригласили в политотдел бригады и предложили вступить в партию, как «заслужившего эту честь». Я воспринял это как высокую оценку моей службы в разведке. Тем временем командование решило сделать из меня офицера, и я был направлен на трёхмесячные курсы по подготовке младших лейтенантов. Закончил их с отличием, и мне присвоили звание лейтенанта.

В дальнейшем моя служба продолжалась в разных частях 61-й армии. До Победы путь оставался ещё очень длинным. Для меня его вехами были: Орёл, Курск, Чернигов, Мозырь, Рига, Польша и, наконец, Германия. Конец войны я встретил в 25 километрах от Эльбы, в городе Кириц. 8 мая 1945 года, на рассвете, мы салютовали автоматными очередями в небо над немецкой землёй. Мы ликовали. В эти мгновения верилось, что после войны наступит прекрасная жизнь, «светлое будущее».